

IN MEMORIAM

**ПАМЯТИ
НАТАЛИИ ЯКОВЛЕВНЫ МАЗЛУМЯНОВОЙ
(29 июня 1952 - 18 января 2013)**

Писать подобные материалы о своих добрых друзьях и коллегах, с которыми длительно и тесно сотрудничал, невероятно тяжело, что по-человечески понятно. Но писать о Наталии Яковлевне, Наташе, еще труднее, потому что добавляется ответственность не задеть ее память неловким словом...

Она была тонким стилистом и знатоком русского языка, переводчиком, редактором от Бога. Ощущала языковой строй в звучании и даже в цвете. Глубоко владея всем необходимым багажом языкознания и правилами научного письма, она была всегда рядом с справочно-информационных порталов и бюро, где разрешала для себя проблемы русского и английского языков, скрытые для большинства пишущих и читающих. Но это и позволяло ей придавать редактируемым текстам более яркое литературное и научное звучание. Вспоминая Н. Хомского, можно сказать,

что присущая Наталии Яковлевне языковая компетенция, или владение трансформационными правилами, помогала ей переводить глубинные авторские мысли в структуры текстовой коммуникации, проясняя их и делая доступными для восприятия. Ведь языковая компетенция, проявленная именно в социокультурном тексте, — особый залог оформленности и ясности его содержания. Оттого редакторское дело в нашем цехе легко можно сравнить с повивальным: оно помогает рождению смыслов. Думаю, что с таким же тщанием, как Н.Я. Мазлумянова, к средствам выражения мыслей мало кто относится — не только среди научных сотрудников, но и среди редакторов, кому это положено по долгу службы.

Получилось так, что в эту подборку по преимуществу вошли воспоминания о редакторской работе Наташи. Здесь, на страницах журнала, которым она дорожила и которому посвятила много сил и таланта, мы постарались с благодарностью сохранить сведения из ее биографии, фото Наташи разных периодов жизни...

Н.Я. Мазлумянова родилась 29 июня 1952 года в городе Батуми. Всю жизнь прожила в Москве. Здесь она и закончила школу с математическим уклоном. Похоже, и позже, в течение долгого времени, ее окружали две интеллектуальные стихии — гуманитарно-филологическая и математическая. Ведь отец Наташи, Яков Меерович Селектор, был физиком-ядерщиком, профессором и заведующим лабораторией в московском Институте теоретической и экспериментальной физики. А мама, Виктория Сергеевна Мазлумян, — лингвист, долгое время работавшая в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза. По сей день она трудится над тематикой, находящейся на стыке лингвистики, антропологии и психологии.

Видимо, невольно следуя логике этих двух стихий и любви к литературе, Наташа закончила факультет прикладной лингвистики Института иностранных языков, где обучение было связано не только с приобретением гуманитарно-филологического знания, но и с глубокой подготовкой по математике, информатике и другим дисциплинам. Ведь, говоря упрощенно, прикладная лингвистика занимается применением методов математики к исследованию естественных и искусственных языков. Закончив в 1974 году институт, Наташа получила диплом с квалификацией «специалист в области прикладной лингвистики и переводчик английского языка». Со временем математический компонент полученных знаний ушел на второй план. Но зато другие навыки прикладного лингвиста проявились в ее социологической работе с удвоенной силой. Это логичность и точность мышления; вкус к решению методических задач, связанных с оптимизацией

использования языка науки и совершенствованием социологических методов, и др.

Длительное время после завершения учебы Н.Я. Мазлумянова работала в отделе информатики отраслевого института под названием «ЦНИИТЭстроймаши». В 1992 году она пришла в Институт социологии РАН — сначала к Т.М. Дридзе, под руководством которой в 1987 году защитила кандидатскую диссертацию «Теоретические и методические принципы построения тезауруса по социологии (на материале социологии семьи)», а затем, в 1998-м, — в наш сектор социологии знания, которым тогда руководил Г.С. Батыгин. К тому времени он уже несколько лет возглавлял и созданный им «Социологический журнал». Таким образом Н.Я. Мазлумянова стала сотрудницей сразу обоих подразделений, и начался, наверное, самый значимый период ее жизни в социологии.

В течение четырнадцати лет работы в нашем коллективе главным интересом Натальи Яковлевны были методика и методология социологических исследований. Она публиковалась немного, но ее статьи всегда были глубоко продуманными, значимыми, они запомнились и, уверена, будут использоваться коллегами. Ее главные методические разработки связаны с исследованием проблемных ситуаций и биографическим методом. Н.Я. Мазлумянова — автор перевода с английского языка научных монографий — «Аргументы *ad hominem*» Д. Уолтона (2002) и совместно с А. Алхасовым сборника «Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии» А. Шютца (2003), а также статей по социологии...

Уход Натальи Яковлевны — тяжелая утрата для коллег по сектору, в котором она работала, и для нашего профессионального сообщества. Журналу, где она работала ведущим редактором и членом редколлегии, вряд ли удастся найти равнозначного сотрудника... Мы не забудем Наташу такой, какой знали...

А для читателей ее образ частично приоткроется в публикуемых воспоминаниях социологов Бориса Докторова, с которым в течение шести лет Н.Я. Мазлумянова сотрудничала в качестве редактора его книг, и Дмитрия Rogozina — коллеги по сектору в Институте социологии. Наталья Яковлевна была человеком непубличным, домашним, потому, отойдя от обычного правила, мы обратились к ее родственникам — маме и сыну Валерию, которые лучше и теплее других смогли рассказать о ее личных качествах, мире домашней жизни. Благодарим членов семьи Натальи Яковлевны и поддерживаем их в нашей общей утрате...

Л. Козлова,
заместитель главного редактора

БОРИС ДОКТОРОВ:

Для меня смерть Наташи Мазлумыновой — огромная потеря. Появятся трещины в мире моей профессиональной деятельности, и образуется пустота в моей коммуникационной среде. Это — неизбежно.

Она получила добротное домашнее образование, отлично училась в школе, обучалась музыке, языкам. Окончила Институт иностранных языков в Москве, где специализировалась в области математической лингвистики.

Помялась с поисками работы, прослужила несколько лет в одном из «НИИЧАВО», подобно многим представителям ее профессионального поколения случайно оказалась в Институте социологических исследований РАН, успешно защитила кандидатскую диссертацию и обрела себя в коллективе, который создал и возглавлял Геннадий Батыгин. Рано вышла замуж. Воспитала сына.

Публиковалась Мазлумынова не много, но работы ее принимались с интересом научным сообществом. Мне неоднократно встречались ссылки на ее десятилетней давности статью по методологии изучения проблемных ситуаций, ею получены тонкие результаты в области биографических исследований российской социологии. Она была активным участником «незримого колледжа» — дисперсной, неофициальной группы социологов, объединенных он-лайн проектом «Международная биографическая инициатива». Как член редколлегии «Социологического журнала» и редактор она во многом содействовала укреплению позиций этого издания в нашем профессиональном сообществе.

Ни саму Наташу, ни что-либо о ней я не знал восемь лет назад, когда в первых числах декабря 2004 года получил электронное письмо: «...Я редактор Вашей книги, мне позвонили из Фонда “Общественное мнение”, просили с Вами связаться. Как мне сказали, она должна быть готова к концу декабря, объем 10 листов. ФОМ очень торопится, если у Вас есть готовые куски, я могла бы начать прямо сейчас. Мазлумынова Наталия Яковлевна».

И завертелось. Наша работа шла непрерывно: когда в Москве была ночь, в Америке — день, и наоборот. В последних числах декабря текст книги был готов, редактирование завершилось в середине января 2005 г., а летом книга увидела свет. Лично мы познакомились лишь в конце года.

Я был достаточно опытным автором, но в работе над текстом Наташа меня многому обучила. Как-то заметила про одно слово, что оно «зеленое», а в этом месте следовало бы разместить «розовое». Пришлось написать, что у меня и «по жизни» цветовая слепота, плохое различение некоторых оттенков зеленого и красного.

Наше общение не прерывалось ни на день. Еще эта книга не была опубликована, но мы начали работать над следующей. Не было перерывов и потом. За шесть лет нами было подготовлено четыре книги по вопросам становления и развития американских опросов общественного мнения общим объемом свыше полутора тысяч страниц. Это удивительно. И не только потому, что подобное содружество редактора и автора — явление крайне нечастое, но и потому, что наше общение осуществлялось по электронной почте. Что не упрощало работу.

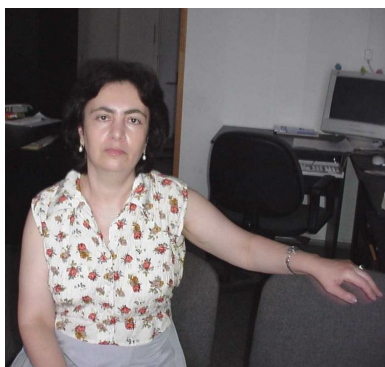
Так получилось, что осенью 2004 года я начал проводить биографические интервью с российскими социологами. И мне снова повезло: участвуя в историко-биографическом проекте Батыгина, Мазлумянова накопила опыт подобного интервьюирования. Потому ее критические и позитивные суждения мне были крайне полезны. Через ее глаза прошли тексты многих интервью, и я получал не просто замечания редактора, но наблюдения и рассуждения специалиста в области биографического анализа.

В конце 2000-х у Мазлумяновой обнаружилась тяжелая болезнь, но она и тогда не оставляла своей работы. Летом 2011 года ее состояние ухудшилось. Буквально до последних дней жизни она надеялась вернуться к своим обычным делам...

В первых числах января 2013 года наша переписка оборвалась.

А через несколько дней не стало и Наташи.

Пусть земля ей будет пухом...

ДМИТРИЙ РОГОЗИН

(опубликовано в Twitter):

Непубличная, тихая, иногда говорящая с назидательным акцентом, она умела стоять на своём. Вслушиваясь в голос автора, следуя его лексике и фразеологии, никогда не теряла целостного видения текста, подсказывала ритмичность выбранного стиля и обучала ее улавливать.

Скромный с виду её труд редактора для меня всегда был школой восприятия другого, его мыслей, манеры, логики изложения. Поправить, не навредив, подчеркнуть, не навязав собственное восприятие, — это то, что умела делать Наталия Яковлевна, изящно и без какого-либо пафоса. В своей жизни и карьере она — труженик от науки, отдающийся целиком работе, без остатка и размена на презентационную активность.

В науке она всегда ценила сильных партнеров, тех, кто задаёт планку, кем можно гордиться. Сначала работала в секторе Дридзе, потом — Батыгина. Восхищалась, предугадывала идеи, выполняла черновую работу, которой очень и очень много в социальных проектах. Когда — в 2003-м — не стало Геннадия Семеновича, в её глазах стояли не только слёзы, но и непоправимое отчаяние, бездна, разрушенный мир. Она одна из немногих, кто не только понял, но и пережил трагедию его ухода.

Наталия Яковлевна по-своему конструировала мир социальных исследований, и ее путь был в придании оградки существующему знанию. Поэтому работать с Докторовым по редподготовке его книг оказалось для нее так важно. Я помню, что тогда, в 2004-м, она вновь стала улыбаться, с жаром начала рассказывать о каких-то эпизодах переписки, делиться редакторскими находками, размышлять об особенностях биографических интервью. Борис Зусманович вернул её к жизни, переполненной кропотливым трудом. За сравнительно небольшой период Наталия Яковлевна отредактировала колоссальное количество печатных листов, не только исправляя опечатки, несуразности и повторы, но и давая содержательные советы и комментарии, отголоски которых мне приходилось нередко слышать в редакции...

Сейчас сижу, как когда-то, за столом в 419 комнате и не могу отделаться от ощущения, что слышу звук её голоса, тихий, с особыми перекатывающимися регистрами, всегда готовый прерваться, чтобы высказался собеседник. Очень грустные и тёплые воспоминания. Светлая память.

ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА МАЗЛУМЯН:

Ната была человеком кристально чистой души и благородного, мягкого характера. Пишу так не потому, что она — моя дочь, а потому, что ей удалось доказать это своими поступками и своими принципами. При твёрдых моральных установках — никого не обидит ни в прямом общении, ни в косвенной оценке, всегда находя положительные мотивы к поступкам людей. Она вообще относилась к людям с честностью и добротой.

Ната с раннего детства была тихим спокойным ребёнком. Ещё совсем маленькой проснётся, большущие глаза откроет, не плачет, а смотрит, ждёт. И с возрастом в ней преобладала не деятельностная, но созерцательная натура. В любимом ею Батуми, где она родилась и

затем проводила несколько месяцев в году, обычно любила смотреть в окно, выходящее в сад, или подолгу читать. Читала она очень много и постоянно, всю даже полезную информацию о жизни черпала в художественной литературе. И всё знала.

В своей семье она была мозговым центром, главным советчиком и другом для сына и мужа. А для матери — опорой и защитой; искренняя, любящая, она была моим духовным другом, пристанищем души. Если бы Ната хоть раз обидела меня, может быть, сейчас мне не было бы так больно. Она относилась ко мне с заботой и уважением, как дочь к матери, но в нужный момент всегда умела успокоить и разумить так, будто она — старшая... До самого конца, несмотря на плохое состоя-

ние здоровья, она продолжала преданно, до скрупулезности, относиться к работе, не унывала, держалась, шутила, улыбалась...

В обыденной жизни порядочность, которой Ната была наделена в высшей степени, ее душевная красота воспринимались нормально, буднично, не очень привлекая к себе внимание, а сейчас все это выросло в сознании близких, как сияющая вершина. Такие люди должны долго жить. Но и сейчас свет её души греет тех, кто знал её. Мне кажется, мы все недостаточно ценили и любили Наташу, когда она была рядом. (По-видимому, в жизни все мы недостаточно любим друг друга.)

Светлая душа вечна не только в плане сохранности образа в памяти людей — конкретные люди тоже уйдут. Скорее она вечна в силу ее не прекращающегося воздействия на психику живущих через формирование в них эстетических и этических идеалов. Как бы ни был человек образован и какую бы практическую пользу он ни приносил обществу — только благородство его души развивает, совершенствует духовную культуру, составляя подлинное человеческое сокровище.

ВАЛЕРИЙ МАЗЛУМЯНОВ:

Мне немного приходилось видеть в жизни людей, которые любили бы свою работу так, как любила её мама, людей, для кого работа была бы одновременно и главным увлечением, и способом

самореализации. Она фактически жила ею, проводя у компьютера почти всё время и подчас вызывая этим у меня непонимание. Помимо того, что мне было сложно уяснить для себя, как можно быть настолько занятой, находясь дома (проблема, возникшая, как говорят, во многих семьях после того, как появилась возможность работать в Интернете, не покидая пределов своей квартиры), я недоумевал относительно того, чем её так уж привлекает редактирование в принципе.

Идея реализовать себя в этом казалась мне странной потому, что сам я не имел опыта подобной деятельности и судил о ней чисто теоретически, наблюдая за процессом со стороны и оценивая его результат как-то уж слишком односторонне. «У автора выйдет статья, — иногда говорил я ей, — а твоё имя будет написано мелким шрифтом внизу на последней странице журнала. Так стоит ли относиться к такой работе, как к чему-то большему, чем просто способу зарабатывать себе на жизнь, нужно ли думать о ней постоянно, и постоянно же обсуждать её в свободное время?» Надо сказать, такие обсуждения у нас дома были очень частыми, мама говорила о работе довольно много, и если ей попадалась хорошая или, напротив, «тяжёлая» статья либо раздел книги, она обычно делилась со мной своими мыслями по этому поводу, постоянно демонстрируя, насколько для неё всё это важно.

Мамины попытки объяснить, что редактирование это творчество, и трудно не испытывать удовольствие, видя, как чудесно преображается тяжело написанный текст, а порой нечитабельная статья благодаря твоим усилиям «превращается в конфетку» не особенно убеждали меня, и, наверно, я так бы и остался при своём мнении, когда бы не заглянул однажды в монитор во время её работы... Выделенные красным и зелёным цветами абзацы заключали в себе одну и ту же мысль, однако, насколько же по-разному она была изложена! С каким трудом приходилось пробиваться через «красный» текст, и как гладко скользил взгляд по «зелёному» — слова будто расположились в каком-то другом порядке, они больше не стремились запутать читателя, не давались целью «взорвать ему мозг», напротив, мысль лилась плавно,

словно ручеёк, воспринимаясь, кажется, при помощи одних только глаз, без какого-либо напряжения, так, как если бы речь шла не о научной статье, а о художественном произведении. Та же по смыслу и принципиально другая по восприятию статья уходила в журнал из рук человека, не только разбиравшегося в самом предмете обсуждения, но и способного преподнести материал таким образом, чтобы максимально облегчить задачу читателям.

Не знаю, все ли авторы понимают, насколько велик вклад редактора в создание их статей и книг, все ли они могут оценить те усилия, которые прилагают люди, чьи имена написаны мелким шрифтом внизу на последней странице, и все ли готовы признать саму эту необходимость редактирования собственных сочинений. Но мне, человеку, и далёкому от социологии, и изначально скептически настроенному ко всей этой, как я называл раньше, «расстановке запятых», стало очевидно, что мамина работа состоит в решении по-настоящему сложных задач, требующих действительно творческого подхода, и потому нет ничего удивительного в её увлечённости редактированием, в стремлении довести тот или иной текст до совершенства и в чувстве удовлетворения, возникающем у неё при выходе чьей-то публикации, прошедшей через её руки.

По моим наблюдениям, ни в одной другой организации, где маме приходилось работать прежде, она не была так увлечена своим делом, не чувствовала себя настолько значимым и ценным сотрудником. И сейчас, пытаясь как-то оценить, насколько успешно и счастливо она прожила свою жизнь в целом, я исхожу из того, что, по крайней мере, последние четырнадцать лет у мамы была по-настоящему интересная и однозначно привлекательная для неё работа, позволявшая ей осознавать себя состоявшимся в профессиональном плане человеком, работа, отвлекавшая её от мрачных мыслей в то время, когда уже был поставлен диагноз, и будущее стало полностью предсказуемо...